

ПЕРЕГОРОДЧАТЫЕ ЭМАЛИ ИЗ СОБРАНИЯ А.В. ЗВЕНИГОРОДСКОГО И ИССЛЕДОВАНИЕ Л. ПЕКАРСКОЙ «Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material»

Юрий Пятницкий

В 2011 году специалисты по византийской и древнерусской культуре получили замечательный подарок – давно ожидаемую книгу Людмилы Пекарской, посвященную ювелирным украшениям средневекового Киева. Основу её исследования составили предметы клада, хранящиеся в Британском музее в Лондоне и в музее Метрополитен в Нью-Йорке (Pekarska 2011). Клад, найденный в 1906 году в Киеве, был нелегально вывезен с территории Российской империи на Запад и в конце концов в декабре 1907 года был продан Джону Пьерпонт Моргану (1837-1913) – знаменитому американскому банкиру и коллекционеру. Часть предметов была подарена им Британскому музею, где они хранятся и ныне. Другая часть клада поступила в личное собрание Моргана в Нью-Йорке, а после его смерти перешла в собственность его сына Джека Моргана, который в 1917 году продал её в музей Метрополитен в Нью-Йорке. Поступив в музейные собрания, предметы киевского клада 1906 года (особенно перегородчатые эмали) неоднократно привлекали внимание специалистов, публиковались и экспонировались. Следует отметить, что к ним обращались как западные ученые, так специалисты Советского Союза, а затем России и Украины. Именно советским специалистом-археологом Г.Ф. Корзухиной было установлено на основе архивных документов, что предметы из Метрополитен и Британского музея происходят из киевского клада 1906 года (Корзухина 1954, 124-125; Корзухина 1972, 129-137). Вместе с тем, многие эпизоды истории этого клада: его находка, вывоз из России, детали продажи Дж. Пьерпонт Моргану – оставались неясными, а в публикациях имелись неточности и противоречия.

Идея монографического издания киевского клада 1906 года, хранящегося в двух разных музеях на двух разных континентах, была чрезвычайно плодотворной и естественной.

Точно так же, как и приглашение для этого проекта Людмилы Пекарской – специалиста, получившего образование в Киеве в советское время, а, после Перестройки по семейным обстоятельствам обосновавшейся в Лондоне. Л. Пекарская имела исключительную возможность объединить научные материалы, методику и библиографию «Запада и Востока» благодаря своей работе в библиотеке имени Тараса Шевченко в английской столице, свободному владению не только английским языком, но также русским и украинским. В самом деле, книга Л. Пекарской реально знакомит западного читателя со значительным пластом материалов по древнерусскому ювелирному

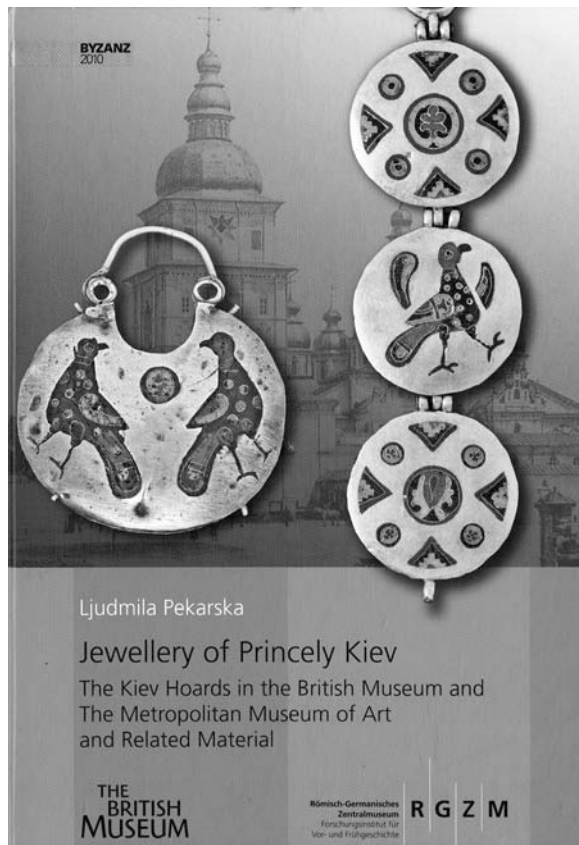

Фото. 1. Обложка книги Л. Пекарской.

искусству, которые, как сказано в аннотации книги: «никогда не публиковались ранее за пределами бывшего Советского Союза - *Most of the jewellery found in these hoards, <...>, has never been published outside the former Soviet Union*» (фото 1). Чисто теоретически можно предположить, что данное издание могло бы существенно выиграть, если бы третьим полноправным членом публикации был Архив Института истории материальной культуры РАН (б. Институт археологии) с его документальной базой. Публикация архивной информации в оригинальном варианте, а не только в интерпретации автора монографии, несомненно, более соответствовала бы характеру и уровню издания, заявленного Л. Пекарской, Британским музеем и музеем Метрополитен, а также качеству монографий серии «*Römisch-Germanischen Zentralmuseums*», в которой была осуществлена данная публикация.

Следует сразу же однозначно высказать свое весьма позитивное отношение к исследованию Л. Пекарской и вышедшей публикации. Без всякого сомнения, эта книга является важным шагом в изучении древнерусских перегородчатых эмалей. Кроме того, благодаря изложению Л. Пекарской, так называемый сопроводительный материал (сведения о найденных в XIX веке в Киевекладах) стал доступен большому числу западных специалистов. Вместе с тем вышедшая книга не лишена определенных недостатков. Имеются неточности в изложении фактов, иногда довольно существенные; в ряде случаев отсутствует критический анализ источников, особенно мемуаров и частной корреспонденции; есть непонятные и странные пропуски в библиографии. Специалист, который попытается взять на себя нелегкий труд написать научную рецензию на книгу Л. Пекарской, столкнется с большими трудностями и обнаружит некоторые весьма специфические особенности этого издания. Особенности эти не всегда приятны для критического разбора, поскольку в ряде случаев носят явно национально-политизированный характер. Эти особенности останавливают нас в желании заняться подробным критическим анализом данного исследования. Однако мы можем предложить читателю несколько уточнений некоторых фактов и положений, затронутых исследовательницей. Сеем надеяться, что эти дополнения могут быть не только по-

лезны специалистам, но и заставят критически взглянуть на достоинства и недостатки монографии Л. Пекарской.

В книге специальный пассаж посвящен знаменитой коллекции перегородчатых эмалей А.В. Звенигородского и обстоятельствам её продажи за границу (Pekarska 2011, 158-160). Интерес к этой теме не был случаен. Дело в том, что в составе коллекции находилось два золотых колта и фрагменты цепи с эмалевыми медальонами из клада, найденного в 1842 году у Десятинной церкви в Киеве, то есть предметы, непосредственно связанные с темой исследования. В тексте книги Л. Пекарская упоминает, что Александр Викторович Звенигородский был «богатым аристократом, хорошо известным русским коллекционером произведений искусства» («a rich nobleman, well-known Russian collector»), который был награжден орденами Святого Станислава и Святого Владимира «за свою безупречную службу» («for his faultless service») в качестве управляющего Конторою Двора¹ цесаревича Александра. Согласно версии исследовательницы, в 1886 году музей барона Штиглица в Санкт-Петербурге² обратился к А.В. Звенигородскому с предложением продать музею его коллекцию произведений искусств за 135 000 долларов. Речь шла о первой коллекции Звенигородского, включавшей в себя разнообразные памятники разных времен и школ. Коллекционер согласился, поскольку как раз в это время увлекся собиранием византийских, грузинских и древнерусских перегородчатых эмалей. Именно благодаря этим эмалям и роскошному изданию о них, опубликованному в количестве 600 нумерованных экземпляров, которые не поступали в продажу, имя А.В. Звенигородского стало широко известно в мире. Вместе с тем о нем самом и его жизни сохранилось не так много сведений. Некоторые биографические факты содержатся в некрологах³.

¹ Названия учреждений, должности и титулы даются в их историческом написании.

² Официальное название – Музей Центрального училища технического рисования барона Штиглица в Санкт-Петербурге.

³ Примечательно, что даже в некрологе, написанном В.В. Стасовым, который, по его же словам, «в продолжении последних 20 лет <...> был в близких и постоянных сношениях с покойным по части искусства», почти нет биографических сведений о А.В. Звенигородском. Более того, в приводимых им многочисленных данных содержатся неточности и ошибки (Стасов 1903; Стасов 1952, 192-193).

Немногочисленные упоминания разбросаны также в воспоминаниях и переписке второй половины XIX - начала XX века. В 1903 году журнал «Исторический Вестник» в XCIV томе сообщил: *«27 октября скончался в Аахене известный знаток искусств, коллекционер и меценат, действительный статский советник Александр Викторович Звенигородский»* (Звенигородский 1903, 1147-1148). Аналогичные некрологи были опубликованы в газетах «Новое Время» №9935 и «Новости и биржевая газета» № 229, а также в № 242 «Правительственного Вестника». Благодаря анализу всех сведений можно восстановить основные факты жизненного пути коллекционера.

А.В. Звенигородский родился в 1837 году в Оренбурге, а первоначальное образование получил в частном пансионе в Лифляндии (фото 2). В 1854 году он поступил на службу унтер-офицером в Оренбургский 2-й линейный батальон. В 1856 году был произведен в прапорщики, *«но вскоре переименовался в гражданский чин и служил в военном министерстве до 1867 года»*, был назначен управляющим Конторою Двора наследника цесаревича Александра в 1867 году, а в 1871 году перешел на службу в Государственную Канцелярию и был внештатным помощником статс-секретаря Государственного Совета. В 1883 году он вышел в отставку в чине действительного статского советника и поселился за границей *«вследствие расстроенного здоровья»*. Умер – 27 октября 1903 года в Аахене в Германии (по сообщению В.В. Стасова – от воспаления в легких).

Весьма любопытная характеристика А.В. Звенигородского содержится в «Дневнике» Государственного секретаря А.А. Половцова, который сделал следующую запись 14 марта 1883 года: *«Сверхштатный помощник ст[атс]-секретаря Звенигородский, не получающий жалованья, просит отставки, но желает получить и чин тайного советника и пенсию за то, что, будучи выгнан из Конторы цесаревича, ничего не делал в Государственной Канцелярии»* (Половцов 1966, 57). В переписке сотрудника Императорской Публичной библиотеки В.В. Стасова (большой друг А.В. Звенигородского и его соратник во многих проектах) имеется замечание о характере коллекционера. Отвечая издателю «Русской музыкальной газеты» Н.Ф. Финдейзену на просьбу о возможности покупки книги об истории издания

Фото 2. Портрет А.В. Звенигородского. Фото из архива автора.

«Византийских эмалей А.В. Звенигородского» (Стасов 1898), В.В. Стасов, в письме от 15 февраля 1901 г. писал: *«<...> если мне удастся, я попробую впоследствии попросить Звенигородского, чтоб он подарил Вам экземпляр. Он очень упрям и несговорчив, но, кто знает, может быть согласится»* (Стасов 1967, 266).

В последней четверти XIX века А. В. Звенигородский был довольно известным коллекционером. В его некрологе в «Историческом Вестнике» сказано: *«<...> будучи с молодых лет любителем искусства, покойный посвятил весьма много энергии и трудов на собрание капитальных художественных произведений. Более всего ему посчастливилось с византийскими эмалями X и XI веков»* (Звенигородский 1903, 1147). Аналогично высказался в своем некрологе и В.В. Стасов: *«Но главное дело и заслуга его деятельности состояли в собирании разных капитальных произведений искусства. Ему всего более посчастливилось с древними византийскими эмалями, необыкновенно редкими в современной Европе. Ему удалось в продолжение немногих лет во время путешествий своих собрать за огромные деньги такую коллекцию эмалей X и XI веков, которая по признанию авторитетнейших знатоков французских, немецких, английских и русских может считаться самым значительным собранием этого рода во всем свете»* (Стасов 1952, 192).

Сам А.В. Звенигородский тоже написал о своей коллекционерской деятельности в «Предисловии» монографии о перегородчатых эмалях. Он упомянул свою первую коллекцию произведений искусства, которую собирал с 1860-х годов и продал в музей Центрального училища технического рисования барона Штиглица в Санкт-Петербурге⁴. В её состав входили: «значительное по числу и качеству собрание рейнских эмалей, майолик, древних терракот, gres de Flandre, предметов из слоновой кости, небольших мраморных и деревянных скульптур, золотых и серебряных предметов (собрание г[осподина] Новикова, купленное в 1881 г. в Керчи)» (Звенигородский 1892, I-VIII; Androsov 2004, 50-52). В «Предисловии» А.В. Звенигородским был указан 1886 год как дата продажи коллекции. Однако, из «Дневника» А.А. Половцова следует, что собрание поступило в Музей Училища барона Штиглица уже в 1885 году. Также имеются расхождения и в сумме, которая была выплачена за коллекцию: А.В. Звенигородский упоминает 135 000 рублей⁵, в то время как А.А. Половцов указывает немного меньшую сумму – 130 000 рублей.

Следует заметить, что Александр Александрович Половцов (1832-1909) – сенатор и член Государственного Совета, председатель Императорского Русского Исторического общества, был женат на Н.М. Июневой, воспитаннице барона А.Л. Штиглица, унаследовавшей огромное состояние. Практически А.А. Половцов был основателем Училища барона Штиглица, и он тратил значительные собственные суммы на его устройство и содержание, а также на пополнение музея Училища. Поэтому мы считаем, что сведения из его «Дневника» заслуживают внимания (Зайончковский 1966,

5-18). 13 марта 1883 года А.А. Половцов упомянул: «осмотр коллекции Звенигородского, – замечательная коллекция превосходных вещей» (Половцов 1966, 67). Затем, только через два года, 12 апреля 1885, он записал: «заезжаю в Училище и, взяв [Геorgia Георгиевича] Месмахера, отправляюсь к Звенигородскому, у которого и покупаем всю его коллекцию за 130 тысяч» (Половцов 1966, 311). Через неделю, 20 апреля 1885 года, он сделал новую запись: «в 91/2 час. Отправляемся с вел[иким] кн[язем] Владимиром Александровичем в наше Рисовальное училище посмотреть на только что выставленную коллекцию, купленную от Звенигородского» (Половцов 1966, 316).

Продажу этой первой коллекции часто связывали с желанием А.В. Звенигородского сконцентрироваться на собирании перегородчатых эмалей. Он сам активно поддерживал эту версию, которая фигурирует во многих статьях. Например, это отметил Е. Редин в 1895 году в своей рецензии на книгу о перегородчатых эмалях. Он писал, что «на продажу этой [первой. - П.Ю.] коллекции А[лександр] В[икторович] решился лишь потому, что в это время его особенно стали привлекать византийские эмали, собрание которых ему и хотелось составить» (Редин 1895, 223). Однако, вспомнив вышеприведенную запись А.А. Половцова от 14 марта 1883 года, можно высказать предположение, что мотивы для продажи коллекции были более сложными, и, скорее всего, они были связаны с уходом А.В. Звенигородского в отставку с государственной службы. В «Дневнике» А.А. Половцова следуют друг за другом запись о первом осмотре предложенной к продаже коллекции и запись о требованиях А.В. Звенигородского получить высокий чин и пенсию при отставке. Симптоматично, что коллекция была предложена именно Музею Училища барона Штиглица, где главную роль играл А.А. Половцов, человек, от которого напрямую зависело удовлетворение требований А.В. Звенигородского о пенсии и чине.

Итак, расставшись с коллекцией предметов искусства и древностей в 1885 году, А. В. Звенигородский, тем не менее, сохранил за собою небольшое, но весьма ценное собрание византийских перегородчатых эмалей, которое впоследствии дополнил новыми редкостя-

⁴ Опубликованные сведения об этой первой коллекции предметов искусств А.В. Звенигородского, приобретенной Музеем Училища барона Штиглица, скудны. Однако сохранился Инвентарь музея, по которому можно реконструировать её состав. Инвентарь этот, так же как и основная часть предметов бывшего Музея Училища барона Штиглица, хранится ныне в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Задача подобной реконструкции весьма интересна и сулит неожиданные открытия.

⁵ Именно рублей, а не долларов, как указано в тексте Л. Пекарской. Возможно, мы имеем здесь дело лишь с простой невнимательностью переводчика. Однако специфически настроенный читатель может усмотреть в этой ошибке сознательное желание украинской исследовательницы подчеркнуть, что и в XIX столетии финансовые расчеты в России велись сугубо в американской валюте. Это, впрочем, совершенно не соответствует реальности.

ми. Долгое время имя А.В. Звенигородского упоминалось исследователями как пример «исключительного» для XIX века коллекционера, который не скрывал источники формирования своего собрания эмалей, а, напротив, открыто указал их в собственноручном «Предисловии» в издании, посвященном этой коллекции. Эту точку зрения разделила Л. Пекарская, повторив сведения из вышеупомянутого «Предисловия». К этому она добавила, со ссылкой на книгу Ш. Я. Амиранашвили, весьма странную фразу: «*With the support of officials and the Georgian Ezarchate he also acquired enamels from monasteries and sacristies of Georgia – Благодаря поддержке официальных властей и Грузинского Экзархата, он также приобрел эмали из монастырей и ризниц Грузии*». В действительности же Ш.Я. Амиранашвили писал: «Некоторые коллекционеры, при содействии грузинского Экзархата, расхитили из монастырей и ризниц богатейшие собрания грузинских древностей под видом реставрации памятников искусства. Больше всего привлекали «любителей» древние эмали и произведения чеканного искусства. <...> Знаменитое собрание эмалей Звенигородского и, частично, Боткина состояло из эмалей, добытых ими в Грузии при содействии официальных лиц» (Амиранашвили 1950, 13). Как видим, грузинский ученый однозначно заявлял именно о кражах, о расхищении древностей Грузии. Более того, в том же самом издании он более подробно писал о разграблении перегородчатых эмалей в храмах Грузии и их поступлении в частные собрания, в том числе к А.В. Звенигородскому: «Петербургский фотограф Сабин-Гус, пользуясь покровительством духовных властей, под предлогом обновления древних икон обокрал много древних монастырей Западной Грузии, в первую очередь Джуматский и Шемокмедский. Он вывез из Джумати два образа – архангелов Михаила и Гавриила; первый был украшен эмалевыми медальонами грузинской работы; эмалевые медальоны второго были византийской работы. Эмали второго образа попали в коллекцию А.В. Звенигородского и составили основной фонд его собрания» (Амиранашвили 1950, 226; Амиранашвили 1963, 257). Поскольку книга Ш.Я. Амиранашвили снабжена именным указателем, в котором на имя А.В. Звенигородского указаны страницы обоих выше процитирован-

Фото 3. Портрет Н.П. Кондакова.
Фото из архива автора.

ных пассажей, непонятная «избирательность» Л. Пекарской вызывает серьезное недоумение. Она дала в сноске указание только на первый из двух пассажей, к тому же кардинально исказив смысл высказывания Ш.Я. Амиранашвили. Действительно ли современная исследовательница искренне считает, что путь поступления предметов в частные собрания не имеет значения, даже в том случае, когда речь идет о криминале? Или мы имеем дело с политесным желанием «пригласить» информацию, чтобы «не огорчать» нынешних владельцев этих эмалей? В обоих вариантах вряд ли подобная позиция допустима для серьезного научного издания. Мы не можем удержаться, чтобы не отметить совершенно диаметрально противоположную позицию по вопросу о происхождении эмалей собрания А.В. Звенигородского, которую заняли русские ученые в 1909-1910 годах, когда обсуждался вопрос о возможности её приобретения в казну. Немного ниже мы приведем чрезвычайно интересные протоколы этого обсуждения. Идеализированный взгляд на А.В. Звенигородского - коллекционера эмалей не соответствует действительности. Он привел в «Предисловии» сведения (да и то

не совсем верные) только о нескольких эмалях, но умолчал о том, что покупал краденые древности, реальное происхождение которых ему было хорошо известно. Практически вся коллекция А.В. Звенигородского была сформирована из эмалей, похищенных из церквей и монастырей Грузии. Многих исследователей долгие годы подкупала «открытость» А.В. Звенигородского - коллекционера, публично рассказавшего о путях составления своей коллекции, приведшего даты приобретения и названия предметов. Однако, эта «открытость» А.В. Звенигородского не была реальной, и её можно рассматривать лишь как хорошо продуманный рекламный ход.

Л. Пекарская, вслед за А.В. Звенигородским, повторила, что первые две византийские эмалы тот купил в январе 1881 года у князя С. Абашидзе в Кутаиси («Апостол Петр» и «Святой Николай Чудотворец»); затем, в августе 1881 года, к нему поступила декоративная эмаль из собрания археолога А.П. Бергера в Тифлисе (Pekarska 2011, 158). В том же 1881 году и там же в Тифлисе у частного лица он приобрел один эмалевый медальон в ноябре месяце («Евангелист Лука»), и еще один в декабре («Христос Пантократор»). Покупки медальонов в Тифлисе продолжились и 1882 году – по одному медальону в январе («Святой Феодор») и декабре («Святой Иоанн Богослов»). В мае 1885 года в Грузии была приобретена плакетка «Распятие». Одновременно коллекция пополнялась и древнерусскими эмалями: в Киеве у В.В. Антоновича (1882 год) и Ю.В. Тарновского, а также у Кирьянова из местечка Любны, близ Полтавы. Такова информация, сообщенная непосредственно самим А.В. Звенигородским (Звенигородский 1892, IV-V). Считается, что формирование коллекции он закончил к 1886 году, когда решил опубликовать её. В 1886 году Санкт-Петербургский журнал «Художественные новости» сообщил своим читателям о новом проекте А.В. Звенигородского, который «издает на собственный счет великолепный альбом хромофотографических изображений драгоценных византийских эмалей, входящих в состав его коллекций. Текст для этого издания составляют два знатока средневекового искусства: ахенский ученый Шульц и профессор Новороссийского университета Н.П. Кондаков. Он будет на трех языках: русском, французском и немецком. Издание обойдется г[осподину] Зве-

нигородскому 25 000 рублей и не поступит в продажу, а будет рассылаться любителям искусства и художественным библиотекам» (Художественные 1886, 458).

Благодаря В.В. Стасову текст исследования о византийских эмалях был поручен одному из лучших византинистов России – Н.П. Кондакову (фото 3, 4) В письме от 19 октября 1886 года В.В. Стасов сообщил Ф.И. Буслаеву: «Относительно Н.П. Кондакова Вы своим **авторитетным словом** только укрепили меня в моей мысли, что если не Вам, то Кондакову и более никому следует писать текст к византийским эмалям Звенигородского. И теперь дело это уже в ходу; надеюсь, что в будущем году весь текст будет написан, и хороший, наверное. Я был бы безутешен, если б этот текст писал какой-то **немец**, да еще из неважных, точно у нас нет своих ученых, да еще первоклассных! Это был бы просто срам!» (Стасов 1962, 211-212)⁶. Значение отзыва Ф.И. Буслаева в получении этого заказа подчеркивал и сам Н.П. Кондаков, написавший 20 октября 1886 года Ф.И. Буслаеву: «Благодаря Вашей рекомендации – о чем мне стало известно от Стасова – я получил и первый заказ в моей жизни: составить текст к эмалям Звенигородского. И тема для меня крайне интересная, и деньги для меня большие – по 100 руб[лей] за лист <...>» (цит. по: Кызласова 1985, 171).

В.В. Стасов отметил в некрологе А.В. Звенигородского: «Поручив всю научную часть проф[ессору] Кондакову, Звенигородский

⁶ Следует отметить, что А.В. Звенигородский все же обратился к немецкому пастору И. Шульцу в Аахене и в 1890 году напечатал во Франкфурте на немецком языке его сочинение об эмалях своей коллекции (Schulz 1890). Книга была издана в количестве 300 нумерованных экземпляров и имела 22 таблицы, правда только черно-белые. Несмотря на то, что год издания был указан 1890, в «предисловии», написанном Dr. A. Curtius, упомянута книга Н.П. Кондакова 1892 года. Позднее А.В. Звенигородский обратился к другому немецкому ученому Ф. Боку и заказал ему еще одну книгу о своих эмалях. Она была опубликована в Аахене в 1896 году (Bock 1896). В письме от 19 ноября 1897 года граф И.И. Толстой писал Н.П. Кондакову: «Получил ли ты книгу об эмалях Fr. Bock'a, изданную Звенигородским? Я получил, прочел и, признаться, удивляюсь пошлости З[венигородского]: написана она, очевидно, главным образом, ради посрамления Venturi, единственного ученого, осмелившегося выругать З[венигородского] за барство его предприятия. Хорош и Бок, подличающий за мзду! Что касается его книги, то я сравнил его доводы с твоими везде, где он с тобою полемизирует, и нахожу, что прав ты, а не он. Вообще, я ожидал от него большего и очень разочаровался» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Ф. 115, оп. 2, д. 389, л. 174 об).

Фото 4. Титул книги Н.П. Кондакова о коллекции эмалей А.В. Звенигородского.

оставил за собою всю художественную. Он проявил здесь такое знание, глубокое художественное чутье и вкус, всем распоряжался, все решал и направлял, и выбрал себе в помощники таких художников, как И.П. Ропет и В.В. Матэ, и при их помощи создал книгу, признанную совершенно единственной» (Стасов 1952, 193-194). Однако, желание «всем распоряжаться, все решать и направлять» А.В. Звенигородский распространил и на научную часть издания. В частности, им были даны Н.П. Кондакову весьма четкие инструкции и запреты относительно некоторых аспектов исследования. Например, хотя владелец и предоставил ему реальную информацию о происхождении эмалей коллекции, но Н.П. Кондаков не имел права разглашать её. Именно этим объясняются «темные» места в исследовании, когда Кондаков, зная о принадлежности ряда эмалей одному комплексу, не мог откровенно написать об этом и прибегал к сложным, часто путаным предложениям. По этой же причине он не мог привлечь внимание правительства к фактам хищения древних памятников Грузии. Однако, несмотря на все запреты, кое-какие сведения все же проскакивают в архивных до-

кументах, в первую очередь в переписке Н.П. Кондакова. Особенно интересны для нашей темы два письма, где речь идет о появлении в 1888 году в Санкт-Петербурге торговца древними эмалями. В одном из писем граф И.И. Толстой сообщил ученому: «К Бобринскому приехал жид из Тифлиса (очевидно, поставщик Звенигородского), привезший перегородчатые эмали: небольшой (вершка 1? в диаметре) византийский медальон Христа безбородого. С зеленым (поврежденным) прозрачным полем.

Кусочек нимба с византийским узором, большая часть которого принадлежит Звенигородскому, и который Вы знаете; большой (вершка 2? или 3 в диаметре) образ, круглый, мученика, перегородчатой эмали грузинской работы; такой же работы два крестовидных медальона с белыми грузинскими буквами по синему полю, золотое изображение Спасителя с креста с отломанными руками и грузинское изображение Спасителя на 4-угольной серебряной позолоченной пластине чеканной работы. Бобринский приобрел все вещи, за исключением первого медальона, за 2700 рублей. Византийский медальон жид почему-то отказался продать теперь. Бобринский, однако, не теряет надежды, что он уступит ему эту великолепнейшую вещь, которую я, как будто, видел у Звенигородского (!)»⁷.

В свою очередь Н.П. Кондаков немедленно проинформировал об этих эмалях А.В. Звенигородского, причем конкретно указал, что речь идет о фрагменте нимба, другие части которого входят в его коллекцию. Это куски знаменитого эмалевого нимба, которые, вместе с фрагментами фона с аналогичным рисунком, относили к знаменитой иконе «Богоматерь Хахульская» (Амиранашвили 1972, 98-100, рис. 6, 7; Хускивадзе 1984, 126-129, №170-180). В своем исследовании Н.П. Кондаков не писал прямо о Хахульском образе, а высказал туманное предположение, что фрагменты, вероятно, относились к одной прославленной грузинской иконе Богоматери с младенцем. Чрезвычайно любопытна в этом письме фраза Н.П. Кондакова: «остаются ли сделанные Вами исключения настолько безусловными, что о них в книге нигде не упоминать?», — на кото-

⁷ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН, Ф. 115, оп. 2, д. 387, л. 73.

рой есть помета, сделанная А.В. Звенигородским, возвратившим письмо: «да, безусловно, не упоминать!»⁸.

Заинтригованный письмом И.И. Толстого, ученый обратился к А.А. Бобринскому и получил возможность осмотреть приобретенные эмали. Он без труда определил, что медальон «Св. Георгий» некогда украшал поля иконы «Архангел Михаил» из монастыря Джумати, а две наклейки с грузинской надписью относятся к парной иконе «Архангел Гавриил» из того же монастыря. Обе иконы еще около середины XIX столетия были сфотографированы Д. Ермаковым. С согласия А.А. Бобринского и при поддержке И.И. Толстого Н.П. Кондаков написал записку о хищениях в церквях Грузии, которую передали императору Александру III. Для убедительности записка была проиллюстрирована фотографией Д. Ермакова с иконы «Архангел Михаил», на которой ученый отметил эмали, находившиеся в коллекции А.А. Бобринского («Св. Георгий») и петербургского фотографа С.Ю. Сабин-Гуса («Св. Феодор», «Св. Дмитрий», «Христос Пантократор»). Позднее станет известно, что именно С.Ю. Сабин-Гус был основным похитителем эмалей из Грузии во второй половине XIX века. Примечательно, что фотография с иконы «Архангел Гавриил» не была приложена к записке Н.П. Кондакова, хотя на ней без труда опознавались и две пластинки с грузинской надписью, купленные А.А. Бобринским, и византийские эмалевые медальоны святых, которые находились у А.В. Звенигородского. Бесспорно, что Н.П. Кондаков прекрасно знал и эти медальоны, и фотографию Д. Ермакова, на которой они были запечатлены «на своих исторических местах». Однако не стал привлекать к ним внимание властей, поскольку был связан обязательствами перед А.В. Звенигородским. Этот эпизод показывает, в каких условиях и с какими ограничениями приходилось работать Н.П. Кондакову над исследованием о византийских перегородчатых эмалях.

Благодаря записке Н.П. Кондакова и поддержке его графом А.А. Бобринским император Александр III принял меры к прекращению грабежа исторических ценностей Грузии. По его поручению на средства Кабинета Н.П. Кондаков и грузинский исследователь Д. Бакрадзе

совершили знаменитое путешествие по Грузии и составили охранную «Опись», которая была опубликована с иллюстрациями в 1890 году (Кондаков, Бакрадзе 1890)⁹.

В 1895 году¹⁰ многие русские и зарубежные высокопоставленные лица и ученые получили в подарок от А.В. Звенигородского роскошное издание с весьма сложным названием. На переплете вытеснено: «Византийские эмали. Собрание Звенигородского. 1892». Книга открывается специальным посвящением на первом листе: «Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III. С глубочайшим благоговением имеет счастье посвятить свое издание верноподданный Александр Звенигородский 1892». Затем идет титул – «Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. 1889». На следующем листе две надписи: «Печатано в количестве 200 нумерованных экземпляров. №...» и «экземпляр...» (в каждой копии книги рукой А.В. Звенигородского был вписан номер экземпляра и посвящение). Следующий, четвертый лист является как бы вторым титулом: «История и памятники византийской эмали. Сочинение Н. Кондакова, профессора С. Петербургского Университета и старшего хранителя Императорского Эрмитажа. С. Петербург. 1892». Разные годы, проставленные на титулах книги, являются результатом длительного процесса издания. Хотя на переплете и втором титуле стоит 1892 год, но реально печатание книги на всех трех языковых версиях было закончено только в конце 1894 года (задержка произошла из-за перевода на французский язык). Отпечатанные ранее русский и немецкий варианты издания находились у А.В. Звенигородского, который никому не предоставлял экземпляров, ожидая выхода французского варианта книги¹¹. Только тогда, когда все три языковые версии оказались у него на руках, он начал преподносить их в подарок. В каждую книгу он собственноручно вписывал

⁹ Весьма странным выглядит заявление И.Л. Кызласовой, что эта «Опись» «предваряла один из разделов» книги о коллекции эмалей А.В. Звенигородского (Кызласова 1985, 124, примеч. 211).

¹⁰ Иногда приводятся сведения, что рассылка издания началась еще в конце 1894 года.

¹¹ Таким образом, границей сведений из исследовательского текста Н.П. Кондакова является 1892 год, когда была отпечатана русская версия книги. Это необходимо учитывать при использовании информации, приводимой Н.П. Кондаковым. Ср.: (Pekarska 2011, 9, note 2).

⁸ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН, Ф. 115, оп. 2, д. 387, л. 74.

номер и фамилию лица, которому направлялся этот роскошный том, а также ставил свою подпись в конце «Предисловия»¹². Таким образом, де факто книга стала доступна читателю (хотя и крайне ограниченному числу) не в 1892 году, как напечатано на титуле, а только в 1895 году. Это объясняет, почему рецензии на это великолепное издание появились лишь в 1895 году¹³. На первый взгляд кажется, что это малозначительное уточнение. Однако оно приобретает значимость, когда встречаешь у некоторых авторов «аналитическое замечание», что рецензии на работу Н.П. Кондакова «появились только через три года» после выхода книги. На самом деле это совершенно не соответствует действительности. Как только исследование Н.П. Кондакова об эмалях коллекции А.В. Звенигородского появилось, оно сразу же вызвало большой резонанс в научном мире¹⁴. Книга по праву стала считаться чудом полиграфического искусства и избалованной роскоши, и история её создания, несомненно, заслуживает отдельного подробного повествования. Впрочем, в 1898 году, по просьбе коллекционера и на его деньги, была выпущена не менее роскошная и редкая книга, составленная В.В. Стасовым – «История книги „Византийские эмали“ А.В. Звенигородского», – которая содержит много важных и любопытных сведений¹⁵. Прежде чем вернуться

к истории самой коллекции перегородчатых эмалей, считаем необходимым отметить небольшую странность в библиографии книги Л. Пекарской. Она почему-то приводит в списке литературы указание только на русскую и немецкую версии книги Н.П. Кондакова о византийских эмалях. Методологически более правильным было бы либо дать все три языковые версии, либо ограничиться лишь той одной, которой непосредственно пользовалась исследовательница.

В некрологе А.В. Звенигородского в «Историческом Вестнике» упомянуто, что «в продолжение немногих лет, при затрате огромной суммы денег, он собрал такую коллекцию эмалей, которая, по заключению авторитетных знатоков, является самую значительную и ценную из подобного рода коллекций во всем свете. Собрание было закончено в 1886 году» (Звенигородский 1903, 1147). Первоначально коллекция состояла из 45 предметов перегородчатой эмали. Однако уже в своем «Предисловии» А.В. Звенигородский сделал любопытное примечание о судьбе двух памятников. Он писал, что две эмали – «Распятие» и медальон с поясным изображением святого Феодора – «были похищены обманным путем и переданы в другие руки. Теперь [то есть в 1892 г.¹⁶ - П.Ю.] они находятся в коллекции академика М.П. Боткина» (Звенигородский 1892, I). Речь шла о медальоне «Святой Феодор» конца XI - начала XII века с оклада чеканной иконы «Архангел Гавриил» из монастыря Джумати в Грузии и о квадрифоле X века из монастыря Шемокмеди, некогда украшавшем архиерейский посох. В исследовательском тексте Н.П. Кондакова также содержится информация, что еще несколько предметов из собрания А.В. Звенигородского к 1892 году уже находились «в других руках»

¹² Мало кто обращал внимание на то, что А.В. Звенигородский по-разному подписывал «Предисловие», в зависимости от того, кому направлялась книга: «А. Звенигородской», «Aron Swenigorodskoi».

¹³ Одним из первых откликнулся В.В. Стасов, напечатавший заметку в газете «Петербургская жизнь» №155 от 22 октября 1895 г. (Стасов 1895).

¹⁴ В Императорской Публичной библиотеке на средства А.В. Звенигородского была сооружена специальная витрина для экспонирования всех трех языковых версий книги и декоративных материалов её оформления. В.В. Стасов сообщил Н.П. Кондакову в письме от 26 марта 1895 года: «<...> на этой неделе, к Пасхе, у нас будет сооружена <...> в большой овальной зале великолепная витрина в византийском стиле, чудесно сочиненная [И.П.] Ропетом, вся из резного дуба, отчасти с красками и золотом, где будут храниться библиотечные экземпляры Вашей книги. Витрина – треугольная в плане (три языка), и тут будут, кроме самих книг: её оба переплета, шелковые одеяльца, закладка, заглав[ные] и посвятит[ельные] листы, главные рисунки (медальоны и т.д.). Это будет, я надеюсь, нечто совершенно отличное!» (цит. по: Вялова 2001, 46).

¹⁵ В.В. Стасов писал 15 февраля 1901 года Н.Ф. Финдейзену об этой книге: «<...> Я должен, к сожалению, ответить, что нельзя нигде и никак приобрести это издание. Оно напечатано всего в 300 экземплярах (100 по-русски, 100 по-французски и 100 по-немецки), и все они **никогда и нигде** не поступали в продажу. Все розданы самим Зве-

нигородским по Европе, музеям, библиотекам и обществам. Оно необыкновенно роскошное и редкое, стоило около 20 000 рублей. Заглавие же его не «Описание», а «Книга о Книге Звенигородского». Моего есть там только мое имя и некоторый труд и хлопоты» (Стасов 1967, 266).

¹⁶ Поскольку русский текст книги был напечатан в 1892 году, то именно его мы считаем «верхней хронологической границей» похищения эмалей. Ходили весьма достоверные слухи, что в отсутствие А.В. Звенигородского один из его слуг совершил кражу, будучи подкуплен М.П. Боткиным. Репутация последнего делала этот слух почти неопровержимым фактом. В 1923 году эти две эмали были переданы в Грузию и хранятся в Государственном музее искусств (Хускивадзе 1984, 27, №12, 96, №137).

– у того же М.П. Боткина. Это эмалевые лик и руки Богоматери и два фрагмента нимба с ультрамаринным фоном и кастами для драгоценных камней (Кондаков 1892, 302-303, 350-360, табл. 15, 20)¹⁷. По словам самого М.П. Боткина, он купил все эмали законным путем еще при жизни А.В. Звенигородского. Правда, говорил он это в 1909 году, через шесть лет после смерти коллекционера, который уже не мог опровергнуть это заявление. В протоколе заседания «Особой комиссии для решения вопроса о приобретении коллекции эмалей А.В. Звенигородского» от 9 мая 1909 года записано: «М.П. Боткин сообщил, что в коллекции нет следующих вещей: большого образа Богоматери, Распятия, св[ятого] Феодора и одного из венчиков (грузинской работы), каковые предметы им, Боткиным, куплены при жизни А.В. Звенигородского» (Скурлов 2006, 82). Это утверждение противоречит замечанию самого А.В. Звенигородского относительно кражи квадрифоля «Распятие» и медальона «Святой Феодор». Впрочем, беспринципность, вороватость и лживость М.П. Боткина, особенно в вопросах коллекционирования предметов искусства, были хорошо известны (Пятницкий 1996, 311-321; Беручашвили 2001, 218-233; Новаковская-Бухман 2011, 9-21). По-видимому, и здесь он «покривил душой».

Основу коллекции А.В. Звенигородского составляли 11 медальонов византийской перегородчатой эмали конца XI - начала XII века, которые некогда декорировали поля чеканной иконы «Архангел Гавриил» (фото 5). Сегодня девять из них находятся в музее Метрополитен в Нью-Йорке; медальон «Святой Димитрий» хранится в Лувре в Париже (Byzance 1992, 324-325). Медальон «Святой Феодор», украденный у владельца еще до 1892 года и оказавшийся в собрании М. П. Боткина в Санкт-Петербурге, в 1923 году был передан в Грузию (Хускивадзе 1984, 96, №137). Некогда все эти эмали размещались на полях серебряного чеканного оклада иконы. На верхнем поле – три медальона, составлявшие «Деисус» (Богоматерь, Христос Пантократор, Иоанн Предтеча); на нижнем поле – три святых воина: Георгий, Димитрий и Феодор; на боковых полях: апостолы Петр

и Павел, евангелисты Лука, Матфей и Иоанн Богослов (Glory 1997, 346-347, nr. 234)¹⁸. Следует отметить, что обе чеканные иконы из Джумати – «Архангел Гавриил» (с византийскими эмалями на полях) и «Архангел Михаил» (с грузинскими эмалями на полях) – исчезли из монастыря около 1880 года и оказались уничтоженными. Небольшие фрагменты чеканки обоих памятников в конце 1880-х годов попали к М.П. Боткину, а квадрифоли с грузинскими надписями и один из грузинских эмалевых медальонов в 1888 году поступили к А.А. Бобринскому, как мы уже знаем из письма И.И. Толстого. Последний называет продавца «жид из Тифлиса», добавляя, что это, «очевидно, поставщик Звенигородского». В публикуемом ниже протоколе заседания «Особой комиссии» о приобретении коллекции А.В. Звенигородского от 19 мая 1910 года однозначно сказано, что разграблением грузинских древностей в первой половине 1880-х годов занимался фотограф С.Ю. Сабин-Гус, продавший фрагменты декора Джуматских икон архангелов и А.В. Звенигородскому, и А.А. Бобринскому, и М.П. Боткину. Больше всего предметов – 11 медальонов – попали именно к Звенигородскому, между тем сам он в своем «искреннем» «Предисловии» указал приобретение в Тифлисе только четырех медальонов из этого комплекса, и притом в течение двух лет (с ноября 1881 по декабрь 1882 года). Как обстояло дело в действительности – сейчас сказать трудно. Возможно, все 11 эмалей были куплены сразу, а если приобретались частями, то должна была быть договоренность с владельцем, что он не будет предлагать медальоны другим коллекционерам. Во всяком случае, бесспорно, что купленные эмали находились не «в частном собрании в Тифлисе», как деликатно высказался А.В. Звенигородский, а у грабителя и проходимца С.Ю. Сабин-Гуса, называть которого «коллекционером» было бы неэтично.

Уникальнейшими эмалями в собрании А.В. Звенигородского были лик и две руки Богоматери, которые еще до 1892 года были перепроданы им М.П. Боткину, так же как две части эмалевого венчика. Чем была вызвана эта продажа, и почему Звенигородский решил

¹⁷ В 1923 году эти эмали были переданы в Грузию и хранятся в Государственном музее искусств (Хускивадзе 1984, 30-31, №16, 124-125, №168-169).

¹⁸ На боковом поле иконы некогда также находился медальон с изображением евангелиста Марка, однако неизвестно, когда он исчез с оклада, куда попал и вообще сохранился ли он до нашего времени.

расстаться со своими самыми большими редкостями – остается неясным. Зная репутацию М.П. Боткина, нельзя исключить какую-то сложную интригу, возможно, связанную с тем, что лик и руки принадлежали знаменитой Хахульской Богоматери, чей образ был украден в 1859 году из монастыря Гелати и разломан.

Следующими по значимости в коллекции были четыре эмалевых куска фона от иконы Богоматери и два фрагмента нимба. Долгое время существовало мнение, что это также фрагменты знаменитой иконы Хахульской Божьей Матери (Амиранашвили 1972, 126-128). Однако в 1978 году К. Тодуа подверг критике это мнение и предположил, что фон и нимбы принадлежали другой иконе молящейся Богоматери, которая, в отличие от Хахульского образа, была повернута в левую сторону. В качестве иконографической аналогии он привел образ «Богоматерь Хобская». Это мнение было поддержано Л. Хускивадзе в 1981 году, развито в 1992 году Ж. Дюраном, хранителем Лувра, и принято затем большинством специалистов (Хускивадзе 1981, 78-80; Byzance 1992, 328-329, nr. 242; Glory 1997, 348-349, nr. 236). Три фрагмента фона и два фрагмента венчика попали в музей Метрополитен, а один фрагмент фона – в Лувр¹⁹.

¹⁹ Следует отметить, что в собрании М.П. Боткина находились еще один фрагмент фона и один фрагмент нимба, которые были переданы в Грузию в 1923 году; один фрагмент нимба, купленный в 1888 году А.А. Бобринским, был затем в 1915 году продан им в Музей Училища барона Штиглица, в 1924 году он поступил в Эрмитаж, а в 1975

Фото 5. Византийские эмалевые медальоны конца XI-начала XII века из бывшей коллекции Звенигородского. Музей Метрополитен в Нью-Йорке.

Среди других эмалей коллекции были разнообразные медальоны и пластинки с изображениями святых. Две прямоугольные пластинки с ростовыми фигурами «Святой Николай Чудотворец» и «Святой Петр» – это, очевидно, те самые, которые были куплены в Кутаиси

году передан из Государственного Эрмитажа в Государственный музей искусств Грузии в Тбилиси (Пятницкий 2000, 41-45). В 1913 году в музей в Тбилиси поступило восемь мелких фрагментов от этого же эмалевого нимба (Хускивадзе 1984, 129, №173-180).

у С. Абашидзе в январе 1881 года. Медальон «Христос Эммануил», возможно, именно тот, который упоминается в письме И.И. Толстого 1888 года. Он находился в руках «жида из Тифлиса» и не был им уступлен А.А. Бобринскому – возможно, как раз именно из-за того, что уже находился в коллекции А.В. Звенигородского. Три миниатюрных медальончика содержали поясные изображения «Иоанна Златоуста», ангела и «Христа Пантократора».

Отдельную группу составляли декоративные эмали с орнаментами: два соединенных фрагмента золотого нимба с растительным узором, два отдельных куска нимба с эмалью и вставками для камней (к 1892 году были уже куплены М.П. Боткиным), три треугольные накладки с растительным орнаментом и семь мелких прямоугольных накладок с геометрическим узором. Следует отметить, что из этих семи фрагментов шесть пластинок однозначно происходили от одного памятника и обрамляли небольшую иконку. Аналогичный фрагмент с точно таким же орнаментом и, несомненно, от этого же самого обрамления находился в собрании М.П. Боткина, а ныне хранится в Оружейной палате Московского Кремля (Собрание Боткина 1911, табл. 91; Византийские древности 2013, 179, №21)²⁰. Мы можем указать и конкретный памятник, откуда происходят все эти пластинки – они были выломаны из обрамления верхнего и правого поля портативной византийской иконы X века из монастыря Шемокмеди (Хускивадзе 1984, 38-39, №32). Древнерусские эмали составляли отдельную группу. Она включала два фрагмента цепи с эмалевыми медальонами (по три на каждом фрагменте) и три колта – два с птицами и один с сиринями.

Внимательно проанализировав состав коллекции А.В. Звенигородского, можно сделать вывод, что было два основных источника происхождения: эмали (как византийские, так и грузинские), некогда хранившиеся в монастырях Грузии, и эмали, происходившие из древнерусских кладов в Киеве. Большую часть предметов из Грузии коллекционер получил

²⁰ И.А. Стерлиговой ошибочно указано, что в музее Метрополитен хранится только один фрагмент из шести некогда входивших в коллекцию А.В. Звенигородского. На самом деле все шесть пластинок благополучно находятся в музее, где я имел возможность их подробно исследовать в 2004-2005 годах.

через С.Ю. Сабин-Гуса, и они были выкрадены из ризниц грузинских монастырей. Некоторые вещи, такие как лик и руки Божией Матери, фрагменты нимба и фона от иконы Богоматери, тоже имели криминальное происхождение, но, по-видимому, были похищены еще в 1859-1870-х годах.

Весьма важным является наблюдение, что фрагменты от одних и тех же памятников в 1880-х годах поступили не только к А.В. Звенигородскому, но к М.П. Боткину и А.А. Бобринскому. Это свидетельствует, что все три коллекционера пользовались услугами одних и тех же продавцов, в частности С.Ю. Сабин-Гуса. По докладу министра Императорского Двора от 26 октября 1889 года за всплывшие факты хищений в ризницах Грузии было отдано Высочайшее распоряжение о преследовании С.Ю. Сабин-Гуса. Однако это распоряжение осталось не выполненным, и «за сроком давности» 12 января 1894 года министр Двора приказал «преследования не возбуждать». По-видимому, в дело вмешались высокие покровители расхитителя, а кроме того, были выявлены и серьезные нарушения со стороны Экзарха Грузии Палладия. Что касается коллекции А.В. Звенигородского, то владелец еще в конце 1880-х годов успешно вывез ее в Германию.

Судьба коллекции А.В. Звенигородского

Как мы уже знаем, 27 октября 1903 года А.В. Звенигородский скончался в Аахене в Германии. После его смерти сложилась непростая ситуация с наследством, на которое претендовали разные представители семейства Звенигородских. Основным наследником являлся младший брат коллекционера Владимир Викторович Звенигородский, находившийся в Лондоне. Одновременно высказывали свои претензии и племянники покойного. Дело разбиралось в суде, и в это время коллекция эмалей оценивалась судебными приставами. Информация об этом содержится в письме от 3 февраля 1909 года директора Эрмитажа И.А. Всеволожского в Канцелярию Министерства Императорского Двора: «<...> несколько лет тому назад наследники Звенигородского вели процесс по разделу имущества покойного, и произведенная тогда судебная оценка коллекции может также способствовать относительно верному определению

её стоимости»²¹. В письме В.В. Стасова к византинисту Н.П. Кондакову от 8 сентября 1905 года упоминается желание наследников продать коллекцию эмалей, чтобы уладить финансовые проблемы. В.В. Стасов писал: «Меня удостаивают своих посещений племянники Звенигородского. Не знаю, как избавиться от их разговоров, бесед и планов. Кажется, они все еще чего-то надеются. Наследник же Звенигородского, Влад[имир] Виктор[ович], в Лондоне. Ведет, говорят, переговоры о продаже «Эмалей». Какой ужас! Неужели они пропадут для России?!» (Стасов 1962, 303).

Довольно запутанная история наследственных отношений и судьба коллекции подробно были изложены сестрой собирателя – Надеждой Викторовной Мясоедовой-Ивановой, которая в конце концов стала обладательницей уникальных перегородчатых эмалей. Она обратилась 12 января 1909 года к министру Императорского Двора барону В.Б. Фредериксу с ходатайством о приобретении коллекции для одного из российских музеев. В Архиве Государственного Эрмитажа сохранилась заверенная копия этого прошения.

«Его Высокопревосходительству
Господину Министру Императорского Двора

Жены Тайного Советника Надежды
Викторовны Мясоедовой-Ивановой

Прошение

Покойному брату моему, Действительному Статскому Советнику Александру Викторовичу Звенигородскому, известному археологу и любителю древностей, при своей жизни, удалось путем упорного труда и значительных затрат собрать – единственную и всемирно известную коллекцию древне-византийских и древнерусских эмалей. Предметы, в числе 43-х входящие в состав этой коллекции подробно описаны и точно воспроизведены в знаменитом сочинении Профессора Кондакова, посвященном Августейшему Имени в Бозе почившего Императора Александра III.

После смерти Александра Викторовича Звенигородского названная коллекция досталась по наследству младшему его брату отставному Действ[ительному] Стат[скому] Совет[нику] Владимиру Викторовичу Звенигородскому, а после смерти сего последнего перешла ко вдове его Юлии Павловне Звенигородской. В виду того, что Александр Викторович Звенигородский скончался за границей в Аахене (Германия), где он в последние годы своей жизни постоянно проживал, его брату и наследнику Владимиру Викторовичу пришлось понести непосильные для него расходы по делу об утверждении его в правах наследства по вводу во владение и пр[очее], которые привели его к тому, что коллекция эта оказалась заложенной известному торговцу древностями Зелигману²² в Лондоне за сравнительно ничтожную сумму и на весьма тяжелых условиях. Кроме того, после смерти В. В. Звенигородского осталось немало частных долгов, по коим кредиторы решились ожидать уплаты, рассчитывая лишь на возможность реализовать стоимость упомянутой коллекции. Юлия Павловна Звенигородская, оставшаяся вдовой без всяких средств и оказавшаяся собственницей этой коллекции при таких обстоятельствах, обратилась за помощью к ближайшим родственникам, в том числе и ко мне, и мы, собрав, что было возможно личностью и дополнив эту сумму новым займом, освободили коллекцию от залога и путем состоявшейся между нами сделки, коллекция, хотя и обремененная значительным долгом, перешла в мою собственность.

Желая ныне продать эту коллекцию с целью ликвидировать все лежащие на ней обязательства для скорейшего окончания расчетов с наследниками и кредиторами моего покойного брата, я имела честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство не благоугодно ли будет Вам не отказать

²² Имеется в виду Жак Селигман (1858-1923) – знаменитый антиквар родом из Германии, обосновавшийся в 1874 году в Париже, где в 1880 году открыл собственный магазин. Имел успех и в 1900 году смог открыть «Галерею Селигмана» на Вандомской площади в Париже. Два его брата – Саймон и Арнольд – стали его компаньонами по антикварному бизнесу. В 1904 году фирма открыла свой офис в Нью-Йорке, вскоре превратившийся в роскошную галерею на Пятой авеню. После смерти Жака Селигмана в 1923 году фирму возглавил его сын Жермен, сохранивший имя компании в неприкосновенности «Жак Селигман и К».

²¹ Архив ГЭ, Ф. 1, оп. V-1909, д. 20, л. 19 об.

взять на себя труд представить о сем на Высочайшее Его Императорского Величества благоволение, на предмет приобретения от меня этой коллекции для какого либо Государственного хранилища редкостей.

При этом имею честь присовокупить, что по имеющимся сведениям собиратель этой коллекции Александр Викторович Звенигородский ценит её свыше 800 000 рублей; эта цена ему была за нее предложена при его жизни, но он с покупателем не сошелся. В бумагах покойного Владимира Викторовича Звенигородского имеется письмо, указывающее на то, что он не соглашался продать ее за 500 000 рублей. Я же, руководимая желанием, чтобы это редкое собрание древностей (*unicum*) осталось в пределах России, готова отдать ее за 400 000 рублей.

Один экземпляр книги Кондакова, в которой с совершенною точностью изображены предметы, входящие в состав этой коллекции и список наличного их числа при сем прилагаю. Самая коллекция хранится в Берлине и по первому требованию, в случае если мое настоящее предложение будет принято, может немедленно быть доставлена в Петербург.

Подлинное подписала: жена Тайного Советника

Надежда Викторовна Мясоедова-Иванова
рожденная Звенигородская

12-го января 1909 года. Морская 46.

С подлинным верно:

Делопроизводитель Канцелярии

Министерства Императорского Двора
Н. Оприц»²³.

Прошению Н.В. Мясоедовой-Ивановой был дан ход. Министерство Императорского Двора запросило Императорский Эрмитаж, который высказался за приобретение коллекции, однако поставил под сомнение запрашиваемую владелицей сумму. Приведем текст ответа по отпуску, хранящемуся в Архиве Эрмитажа.

«3 февраля 1909 г.

№ 74

В Канцелярию Министерства Императорского Двора

В ответ на отношение Канцелярии от 3 сего февраля за № 1140, имею честь уведомить, что приобретение принадлежащей жене Тайного Советника Мясоедовой-Ивановой коллекции древне-византийских и русских эмалей, небольшой по числу экземпляров, но единственной в своем роде по подбору выдающихся по работе и историческому интересу образцов, является, безусловно, желательным. Что же касается заявленной госпожой Мясоедовой-Ивановой цены, то, не касаясь вопроса о сделанных ею затратах и допуская, что владелица имеет основания ценить коллекцию значительно дороже, Императорский Эрмитаж мог бы произвести самостоятельную оценку лишь в том случае, если бы были вещи из числа обычных на антикварном рынке. Но так как византийские эмали за много уже лет не являлись на аукционах, то Эрмитаж, определяя кажущуюся ему подходящую цену коллекции приблизительно в 150 000 руб[лей], основывается не на условиях теперешнего спроса и предложения, а на чисто субъективных соображениях. Затраты покойного Звенигородского на приобретение этих эмалей могли бы приблизительно быть проверены путем справок у Председателя Императорской Археологической Комиссии графа А.А. Бобринского и Академика Тайного Советника М.П. Боткина, которые одновременно с Звенигородским покупали образцы эмалей у того же источника. Кроме того несколько лет тому назад наследники Звенигородского вели процесс по разделу имущества покойного и произведенная тогда судебная оценка коллекции может также способствовать относительно верному определению её стоимости.

Подпись Директора Обер-Гофмейстера И. Всеволожского

Скрепил делопроизводитель

А. Дворжицкий»²⁴.

Вопрос был доложен императору Николаю II, который поручил премьер-министру П. А. Столыпину рассмотреть ходатайство в Совете Министров. Для этого была создана «Особая комиссия» под руководством председателя Императорской Археологической комиссии

²³ Архив ГЭ, Ф. 1, оп. V-1909, д. 20, л. 22. Заверенная копия. Пометы: «к № 118. 4 февраля 1909 года».

²⁴ Архив ГЭ, Ф. 1, оп. V-1909, д. 20, л. 18-19 об. Отпуск.

графа А.А. Бобринского. В состав Комиссии вошли: академик М.П. Боткин, академик Н.П. Кондаков, директор Санкт-Петербургского Археологического института Н.В. Покровский, хранитель Императорского Эрмитажа Я.И. Смирнов. Позднее на заседания были приглашены член Императорской Археологической комиссии Б.В. Фармаковский и член Государственного Совета, коллекционер Б.И. Ханенко.

Петербуржским исследователем В. Скурловым в 2006 году были опубликованы тексты двух протоколов заседаний этой «Особой комиссии» – от 9 мая 1909 года и 19 мая 1910 года (Скурлов 2006, 82-85). Они представляют огромный интерес, как для воссоздания истории продажи коллекции эмалей Звенигородского, так и причин её утраты для России. Весьма важным представляется нам моральный аспект дискуссии. Ведущие русские ученые подняли в 1909 году вопрос о криминальном происхождении эмалей Звенигородского и о необходимости возвращения похищенных некогда предметов на исторические места. В своей публикации В. Скурлов указал, что обнаружил материалы в Государственном Историческом архиве в Санкт-Петербурге, но не дал сноска на номера архивных дел. Учитывая важность этих протоколов, мы посчитали целесообразным воспроизвести их, основываясь на публикации В. Скурлова.

Заседание 9 мая 1909 года.

«<...> Граф Бобринский отметил, что Мясоедова-Иванова не желает сделать никакой скидки с 400 тыс[яч] руб[лей], о чем и заявила ему, гр[афу] Бобринскому, при личном с нею объяснении.

Н.П. Кондаков указал на необходимость выяснить точный состав коллекции сравнительно с тем, какой им и А. В. Звенигородским издан в известной книге о византийских эмалях

М.П. Боткин сообщил, что в коллекции нет следующих вещей: большого образа Богоматери, Распятия, св[ятого] Феодора и одного из венчиков (грузинской работы), каковые предметы им, Боткиным, куплены при жизни А.В. Звенигородского.

Н.П. Кондаков находил запрошенную сумму (400 тыс[яч] руб[лей] до невероятия преувеличенную и полагал, что ее следует

уменьшить в 4 или даже в 5 раз, тем более что А.В. Звенигородский платил за каждый медальон по 1 тыс[яче] руб[лей]. Из предметов коллекции наибольшую ценность, до 10 тыс[яч] руб[лей], представляет византийский венчик – «уника». Далее следуют русские эмали и, наконец, остальные, которые следует ценить не свыше 3-5 тыс[яч] руб[лей] каждая. Однако, самым главным препятствием к высокой оценке предметов служит то, что большинство их, как и эмали других русских коллекций – сплошь краденые, и, строго говоря, должны быть возвращены теперешними обладателями их первоначальным владельцам (кавказским церквам и монастырям). При составлении и издании Кондаковым в 1889 году (по Высочайшему повелению за счет Кабинета Его Величества) Описи древностей в означенных церквах и монастырях, выяснилась непростительная ошибка со стороны местного духовенства, разрешившего дворянину Сабин-Гусу заменять старинные оклады с целью обновления ризниц; но, в виду отказа экарха Грузии предъявить ему, Кондакову, официальную переписку по этому делу, пришлось тогда ограничиться лишь кратким рапортом министру Императорского Двора. Во всяком случае, если будет сделана попытка продать за границей предметы из коллекции Звенигородского и им подобные, то он почтет долгом опубликовать, что вещи – похищенные, и укажет их истинное происхождение.

М.П. Боткин не согласился с мнением Н.П. Кондакова о наибольшей ценности в коллекции – эмалей русских и полагал, что византийские важнее.

Н.П. Кондаков согласился с М.П. Боткиным, что иные византийские эмали – лимбургские и на окладе Мстиславова Евангелия, как старшие по древности и лучшие по работе, могут цениться выше русских, но византийские эмали в коллекции Звенигородского, относящиеся к XII веку, не так важны в историческом отношении и ремесленны по исполнению.

Я.И. Смирнов предложил вопрос о том, какую следует занять позицию в том случае, когда похищенные из кавказских монастырей и церковей эмали будут поступать в продажу не за границей, а внутри России, т.е. как в данном случае с Мясоедовой-Ивановой?

Н.П. Кондаков считал, что раз дело с покупкой у нее коллекции налажено, то желательно, чтоб таковая состоялась, и весь вопрос заключается в подходящей цене.

Я.И. Смирнов указал на возможность доказать продавцам по старым фотографиям, что некоторые вещи принадлежат к числу снятых с икон (кроме венчика «уника»).

М.П. Боткин, не возлагая надежд на такой способ воздействия, ибо в деле продажи за границу киевским торговцем Золотницким клада киевских эмалей 1906 года он не помог, со своей стороны отметил, что коллекция Звенигородского была заложена Зелигману в Лондоне всего лишь за 100 тыс[яч] франков (38 тыс[яч] руб[лей]), так что скачок в 400 тыс[яч] руб[лей] ничем не мотивирован.

Граф А. А. Бобринский предложил повысить оценку коллекции до 150 тыс[яч] руб[лей].

Н.П. Кондаков отметил, что предполагаемый покупатель – главнейший коллекционер нашего времени Пирпонт Морган. Приобретает пока не эмали, а другие вещи, и потому незаметно, чтобы цена на эмали ныне возвышалась.

Я.И. Смирнов указал на необходимость беречь казенные суммы и игнорировать любительские цены, так как в погоне за определенными экземплярами любители иногда готовы заплатить, что угодно, лишь бы стать обладателями их.

М.П. Боткин обратил внимание на то, что приводимая Мясоедовой-Ивановой сумма 800 тыс[яч] руб[лей] была предложена А.В. Звенигородскому именно от Моргана. Относительно цены, по которой эмали были куплены, А.В. Звенигородский говорил ему, Боткину, что они обошлись по 1,5-2 тыс[ячи] руб[лей] каждая.

Я.И. Смирнов за лучшие образки считал бы возможным заплатить вдвое больше, т. е. по 3 тыс[ячи] руб[лей], а за все пятнадцать – 45 тыс[яч] руб[лей], набавив еще немного за все остальное.

Н.П. Кондаков, возвращаясь к вопросу о происхождении эмалей, высказал мнение, что большой образ Богоматери, купленный из коллекции А.В. Звенигородского М.П. Боткиным, как показывают новейшие научные

наблюдения, есть подлинная чтимая Хахульская икона, а находящаяся в Гелатском монастыре – позднее подражание.

М.П. Боткин выразил сомнение относительно догадки Н.П. Кондакова, но подтвердил, что, по словам графини П.С. Уваровой, подлинную Хахульскую икону она нашла в одном из монастырей Грузии, а не в Гелатском: таким образом, принадлежащий ему образ Богоматери возврату в Гелати не подлежит.

Граф А.А. Бобринский выразил со своей стороны желание вернуть по принадлежности купленные им около 25 лет тому назад у неизвестных лиц эмали с грузинскими подписями, если на месте будет обеспечено для них безопасное хранение.

Н.В. Покровский напомнил, что когда Богоматерь была выставлена М.П. Боткиным для всеобщего обозрения на одной из выставок, то единогласно она была признана одним из величайших произведений христианского искусства.

Я.И. Смирнов возбудил попутно вопрос о необходимости приобретения в государственную собственность еще одну замечательную коллекцию византийских эмалей – Балашова.

М.П. Боткин сообщил, что Балашов уже завещал ее музею Императорского Общества Поощрения Художеств. Эмали Балашова также были увезены с Кавказа (из Кутаиса) графом Левашовым.

Собранием единогласно приняты следующие пункты:

1) коллекция эмалей, предлагаемая к приобретению Мясоедовой-Ивановой, есть в значительной степени достояние православных церквей и монастырей Кавказа и, как таковое, не подлежит продаже за границу;

2) приобретение коллекции в собственность Императорского Российского Правительства следует признать крайне желательным;

3) цена коллекции ни в коем случае не ниже 75 тыс[яч] руб[лей], однако во внимание к особым обстоятельствам (невыгодный заклад, редкость предметов такого рода в продаже и в музеях) за нее могла бы быть уплачена значительно большая сумма, но не более 150 тыс[яч] руб[лей].

Н.П. Кондаков нашел желательным не поднимать цены выше 100 тыс[яч] руб[лей], а Я. И. Смирнов полагал и эту цифру слишком высокой» (Скурлов 2006, 82-84).

Протокол другого заседания датируется 19 мая 1910 года.

«Б.И. Ханенко пожелал знать, как давно эмали Звенигородского ушли из кавказских церквей и монастырей.

Н.П. Кондаков сообщил, что преступная деятельность Сабин-Гуса на Кавказе относится к первой половине [18]80-х годов.

Б.И. Ханенко находил, что и в настоящее время было бы возможно возбуждение против него уголовного преследования.

Н.П. Кондаков отметил, что Экзархат, по видимому, разрешил Сабин-Гусу забрать басменный лом ризниц, а тот забирал местные иконы в храмах, ставя взамен новые малочленные и т.п.

М.П. Боткин указал, что в виденной А.В. Звенигородским у Сабин-Гуса бумаге от Экзархата значилось следующее: «Вы имеете возобновить иконы, новыми заменить и таким образом привести в порядок нашу ризницу».

Н.П. Кондаков, возражая М.П. Боткину, отметил, что Экзарх Грузии Высокопреосвященный Палладий в 1889 году лично ему сказал: «Я разрешил Сабин-Гусу брать старый лом», но копии бумаги, данной Сабин-Гусу, все-таки не показал. Характерно, что, выломав иконы, Сабин-Гусу иногда, например, в Шемокмеди, приходилось спасаться на лошади.

Я.И. Смирнов сообщил, что наступающим летом он будет в Тифлисе и выразил согласие навести справки в архиве Грузинской Синодальной конторы.

Делопроизводитель А.С. Раевский доложил архивную справку, что во исполнение Всеподданнейшего доклада министра Императорского Двора 26 октября 1889 года им отдано было распоряжение преследовать Сабин-Гуса судом, и что таковое осталось неисполненным, а посему 12 января 1894 года министром было приказано против Сабин-Гуса, по силе п. 2 ст. 158 Улож. Наказ, и п. 2 ст. 16 Уст. Угол. Суд., преследования не возбуждать.

Б.И. Ханенко и Я.И. Смирнов, в виду этой справки, полагали возможным признать легальность владения кавказскими эмалями их теперешних собственников.

М.П. Боткин отметил, что «серебряный лом» брался Сабин-Гусом из церквей – кроме, может быть, редких случаев – при свидетелях, а потому его нельзя считать виноватым за то, что невежество прежних хранителей древних предметов не позволяло им понимать, насколько они будут ценны для музеев.

Я.И. Смирнов, в дополнение к своей прошлогодней оценке, сообщил, что расценка поступающих в продажу номеров – в сумме 56,4 тыс[яч] руб[лей].

Собрание приняло следующую резолюцию:

приобретение коллекции в собственность государства признается желательным;

наивысшей ценой должно признать 150 тыс[яч] руб[лей];

коллекции упускать не следует, но необходимо принять все меры к тому, чтобы приобретение ее обошлось ниже этой цены.

Добавления: по п.2 «Я.И. Смирновым цена коллекции признается равной 56.400 руб[лей], а Н.П. Кондаковым – 100 тыс[яч] руб[лей]».

По п. 3, согласно предложению Н.П. Кондакова – «до уплаты денег Мясоедовой-Ивановой, коллекция имеет быть выписана в г. С[анкт]-Петербург, проверена комиссией из ученых специалистов по эмалям и лишь тогда принята».

Подписал: Председатель граф А. Бобринский» (Скурлов 2006, 84-85).

Возможность приобретения столь известной и редкой коллекции перегородчатых эмалей широко обсуждалась в российском обществе. Так, в декабре 1910 года журнал «Старые годы» в разделе «Вести за месяц» сообщил: «В Совете Министров будет решен вопрос о приобретении знаменитой коллекции древне-византийских и древнерусских эмалей А.В. Звенигородского, состоящей из 43 предметов» (Старые годы 1910, 46).

Приведенные архивные документы, как опубликованные В. Скурловым, так и найденные нами в Архиве Государственного Эрмитажа, позволяют более четко представить судьбу этой замечательной коллекции эмалей. Из документов становится ясным, что в конце 1880-х годов коллекция перегородчатых эмалей была вывезена А. В. Звенигородским за границу и находилась в Германии (либо в Аахене, где проживал А.В. Звенигородский последние годы, либо она хранилась в сейфе одного из банков Берлина). После смерти коллекционера в 1903 году его основной наследник – младший брат Владимир Викторович Звенигородский (проживал в Лондоне) заложил коллекцию через один из лондонских банков известному антиквару Жаку Селигману за 100 тысяч франков (38 тысяч рублей). Залог был необходимой мерой в связи с затратами по вступлению в наследство и судебными исками других лиц семейства Звенигородских, претендовавших на наследство (в основном, племянников коллекционера). После смерти самого В.В. Звенигородского права на коллекцию перешли к его вдове, Юлии Павловне Звенигородской. Вместе с тем, кроме коллекции эмалей, она унаследовала и многочисленные долги своего мужа. Погасить их можно было, только продав перегородчатые эмали. Вдова обратилась за помощью к родственникам мужа. Как пишет сестра коллекционера, Н.В. Мясоедова-Иванова, семейство Звенигородских собрало деньги, частично взяв их под новый залог, и выкупило коллекцию эмалей у Ж. Селигмана. По мирному соглашению между всеми сборщиками денег эмали достались именно Н.В. Мясоедовой-Ивановой. Последняя владелица предложила её министру Двора барону В.Б. Фредериксу, оценив в 400 тысяч рублей. Из документов стало известно, что в свое время эмали торговал известный американский коллекционер Дж. Пьерпонт Морган. Правда, приводимые Н.В. Мясоедовой-Ивановой сведения о предложенной американским финансистом сумме – 500 000 и 800 000 рублей – вызывают сомнения. Пока не будут найдены письма А.В. Звенигородского и Дж. Пьерпонта Моргана об этом предложении, есть основания считать указанную сумму сознательно преувеличенной Н.В. Мясоедовой-Ивановой. «Чрезвычайно важными являются сведения, что в 1909-1910 годах, в

то время, когда обсуждался вопрос о покупке коллекции для российских музеев, сама она находилась в Берлине. Хотя на заседании «Особой комиссии» 19 мая 1910 года академик Н.П. Кондаков и ставил вопрос о том, что эмали должны быть привезены в Санкт-Петербург для экспертизы специалистами, однако остается неясным, было ли это исполнено Н.В. Мясоедовой-Ивановой. Возможно, что нет, поскольку нахождение коллекции за границей лишало официальные российские власти возможности оказывать какое-либо «давление» на владелицу с целью снижения цены. Хотя основания для этого имелись, учитывая действующие законы Российской империи и определенно криминальный характер формирования самой коллекции. Переговоры не дали положительных результатов, и приобретение эмалей не состоялось. В январе 1911 года журнал «Старые годы» в разделе «Вести за месяц» сообщил: *«Пока наша Специальная комиссия «думала-гадала» и дожидалась решения Совета Министров, драгоценная коллекция эмалей Звенигородского уже куплена парижским антикваром Зелигманом за 300 000 рублей. Когда же мы дождемся узаконенный, при которых не могли бы так просто происходить незаменимые потери?»* (Старые годы 1911, 59). Как мы знаем, Ж. Селигман покупал эти эмали для Дж. Пьерпонта Моргана, и согласно их переписке (указано в книге Л. Пекарской) за коллекцию было заплачено 296 000 рублей (Pekarska 2011, 159-160).

Однако в этой истории есть еще одна скрытая от глаз страница – участие в ней знаменитого М.П. Боткина. В исследовании Л. Пекарской приведен интересный фрагмент письма Ж. Селигмана, направленного в январе 1910 года Дж. Пьерпонт Моргану. В нем речь шла о коллекции А.В. Звенигородского и в частности сообщалось: *«Сегодняшний владелец коллекции утверждает то же самое, что говорил ранее и старый джентльмен [имеется ввиду А. В. Звенигородский. - П.Ю.] – что Правительство купит коллекцию. Но я совершенно уверен, что есть люди, которые имеют противоположные интересы, и что Правительство никогда не будет покупать её. Об этом мне сообщил человек, который возглавляет Правительство и от кого зависело окончательное решение о покупке. Он сказал, что коллекция чрезвычайно дорогостоящая,*

и они не имеют денег для покупки таких дорогих вещей» (Pekarska 2011, 159)²⁵.

Председателем Совета Министров был П.А. Столыпин, «Особую комиссию» по вопросу о покупке коллекции А.В. Звенигородского возглавлял граф А.А. Бобринский (председатель Императорской Археологической комиссии) – ни тот, ни другой не могли вести переговоры с парижским антикваром Ж. Селигманом. Следует обратить внимание на позицию графа А.А. Бобринского во время заседания 9 мая 1909 года – он выразил желание вернуть по принадлежности находящиеся у него эмали с грузинскими надписями, «если на месте [т.е. в монастырях Грузии. - П.Ю.] будет обеспечено для них безопасное хранение». Единственным человеком в «Особой комиссии», который не был заинтересован в приобретении казной коллекции эмалей, являлся М.П. Боткин. Он сам обладал большим собранием перегородчатых эмалей, значительная часть которых попала к нему криминальным путем именно из Грузии. Поднятый Н.П. Кондаковым вопрос о желательности возвращения некогда украденных из Грузии памятников, поддержанный А.А. Бобринским, был крайне щекотливым для М.П. Боткина, поскольку, в таком случае, и он должен был бы «добровольно» вернуть в Грузию «криминальные эмали».

В своей книге Л. Пекарская утверждает, по-видимому, основываясь на мемуарах Жермена Селигмана (Seligman 1961), что бывшую коллекцию эмалей А.В. Звенигородского приобрел М.П. Боткин, и именно эти 43 высокохудожественные произведения составили основу собственной коллекции эмалей М.П. Боткина (Pekarska 2011, 159). Оба утверждения Л. Пекарской совершенно не соответствуют действительности. Во-первых, М.П. Боткин не покупал в 1910 году эмалей от Н.В. Мясоедовой-Ивановой. Во-вторых, реальное количество предметов было всего 39 (если считать два фрагмента цепи с медальонами за один предмет), а не 43 (шесть предметов находились уже к 1892 году

в собрании М.П. Боткина). И эти 39 эмалей никогда не входили в коллекции М.П. Боткина (фото 6). Убедиться в этом Л. Пекарской не составляло большого труда – достаточно было сравнить публикации обеих коллекций: М.П. Боткина и А.В. Звенигородского. Репутация М.П. Боткина и как коллекционера, и как человека была, конечно, крайне негативной. Однако он был членом государственной «Особой комиссии» по приобретению эмалей А.В. Звенигородского, и легально перекупить их в тот момент, когда Совет Министров решал вопрос о покупке, было невозможно даже для него. А вот организовать интригу, зная о желании Дж. Пьерпонта Моргана приобрести эти эмали, и вступить в сговор с Жаком Селигманом – это было в стиле М.П. Боткина. Как вспоминал И.Э. Грабарь, Боткин «был похож на лукавого московского подьячего XVII века, какими мы их обычно себе рисуем: с жидкой монгольской бородкой, монгольскими маленькими глазами и преувеличенной ласковостью в обращении. При встрече он всегда обнимался и говорил какие-нибудь сахарные любезности. <...> Боткину доставляло физическое наслаждение вливать ложку дегтя во все бочки с медом, стоявшие на его дороге и почему-либо ему мешавшие. Не было такого хорошего и большого художественного предприятия, которого он не стремился бы сорвать. Делал он это столь мастерски, что его участие в очередной «пакости» не легко было установить: о нем больше догадывались» (Грабарь 2001, 167-168). Аналогично высказывался о М.П. Боткине и Александр Бенуа: «состоял он во всевозможных художественных комиссиях и комитетах, но всюду пользовался, несмотря на свои ласковые манеры, репутацией коварного интригана» (Бенуа 1990, 196).

В ситуации с продажей коллекции А.В. Звенигородского и меркантильный интерес М.П. Боткина, и его непосредственное участие в интриге были достаточно очевидны. Совершенно понятно, что именно его имеет в виду Жак Селигман, упоминая в выше цитированном письме некоего важного человека «из правительства». Следует отметить еще одну деталь: М.П. Боткин сам коллекционировал эмали, и слава А.В. Звенигородского не давала ему покоя. Недаром, он так же издал роскошное описание своей коллекции в количестве 600 нумерованных экземпляров. Навязчивой идеей М.П. Бот-

²⁵ «The present proprietor always says the same thing as the old gentleman said before, that the government will buy the collection, but I am pretty sure that there are people who have opposite interests and that the government will never buy it, as the man who is the head of the government and who has to give his final consent for the purchase told me that the collection is much too dear and they have got no money to buy such expensive things» (Pekarska 2011, 159).

Фото 6. Портрет М.П. Боткина.
Фото из архива автора.

кина было превзойти А.В. Звенигородского, и здесь он не останавливался ни перед покупкой краденного, ни даже перед фальсификацией предметов. Сегодня уже достоверно известно, что значительная часть его коллекции состояла из умело созданных подделок (Беручашвили 2001, 218-233). Правда, о подделках в его коллекции говорили еще с конца XIX века: например, византист Н.П. Кондаков. Продажа эмалей Звенигородского за границу делала коллекцию М.П. Боткина единственной и непревзойденной в России. Это была именно та цель, которой он добивался так долго.

Л. Пекарская излагает следующую версию дальнейших событий, связанных с покупкой бывшей коллекции А.В. Звенигородского: в конце 1910 года Жак Селигман послал инкогнито своего сына Жермена в Санкт-Петербург для «переговоров с русским аристократом, близким другом коллекционера» о цене, за которую могли быть проданы эмали. Когда в этом вопросе была достигнута договоренность, в конце декабря Жак Селигман лично приехал в Санкт-Петербург и приобрел коллекцию за 296 000 рублей. Согласно сведениям Л. Пекарской, Жермен Селигман упаковал бесценные эмали в небольшой саквояж и сел в поезд

Санкт-Петербург – Париж, где притворился больным, чтобы не привлекать особого внимания к своему драгоценному грузу. Хотя, как утверждает Л. Пекарская, «не было никаких препятствий для легального вывоза коллекции из России – *Although there was no issue about the legality of taking the collection out of Russia*» (Pekarska 2011, 160). В Париже эмали были положены в банковский сейф на хранение. Между февралем 1912 и январем 1913 года Жак Селигман отправил большую партию произведений искусств (351 ящик), приобретенных для Дж. Пьерпонта Моргана и составлявших его собственность, в Нью-Йорк, США (фото 7). Получателем был музей Метрополитен, по договоренности между коллекционером и дирекцией музея, которая получила право экспонировать в течение нескольких лет значительную часть этих произведений искусства. Среди них были замечательные эмали бывшей коллекции А.В. Звенигородского. В 1917 году, уже после смерти Дж. Пьерпонта Моргана, через его сына Джека все эти эмали стали частью постоянной коллекции музея Метрополитен. Однако в музей поступило и хранится сегодня только 37 предметов. Еще в 1911 году, когда все эмали Звенигородского находились в Париже, Дж. Пьерпонт Морган отдал распоряжение Ж. Селигману передать в дар Лувру два предмета: медальон «Святой Феодор» и фрагмент эмалевого фона от иконы Богородицы (Byzance 1992, 324-325 N 239, 328-329 N 242).

Утверждение Л. Пекарской о том, что не было препятствий для легального вывоза эмалей из России отражает точку зрения антиквара, провернувшего удачную сделку. Серьезному ученому следовало бы критически подойти к мемуарам торговца древностями. Версия, изложенная Л. Пекарской, отражает только одну точку зрения на события – точку зрения антикваров и покупателя. И излагает она её только по источникам этой стороны. Целый ряд деталей в этой истории остается не до конца ясными. Например, действительно ли эмали находились в Санкт-Петербурге и именно отсюда были тайно вывезены в Париж? Или Селигманы забрали их из Берлина, где они находились еще в 1909 году? Если, как утверждает Л. Пекарская, не было никаких препятствий для легального вывоза коллекции, то почему Жермен Селигман приехал в Россию инкогнито, а вся сделка велась через посредничество М.П. Боткина и сохранилась в глубокой тайне?

Причины для секретности все же имелись. Поскольку владелец – Н.В. Мясоедова-Иванова – сама обратилась к государству с предложением о приобретении коллекции, она должна была ждать окончательного решения Совета Министров, и лишь при получении отказа в покупке могла рассматривать другие предложения. Однако она, через М. П. Боткина, вступила в контакт с Ж. Селигманом еще до того, как было вынесено правительственное решение. Если бы переговоры с парижским антикваром велись публично, как это и должно было быть в случае с предметами уровня национального достояния, то в дело могла вмешаться общественность. Она могла оказать давление на решение Совета Министров, организовать протесты или сбор средств, привлечь меценатов. Наконец, как грозил Н.П. Кондаков, в случае попытки продажи эмалей за границу, мог быть поднят вопрос о криминальном происхождении этих памятников и наложен запрет на их вывоз. Все это понимал, в первую очередь, М.П. Боткин, изощренный в махинациях и скандально-криминальных делишках с произведениями искусства. Преследуя свои собственные цели, он ни на минуту не задумался о том, какой урон приносит российским музеям и национальной культуре. Довольно верно охарактеризовал его в свое время И. Э. Грабарь: *«Это был предатель по природе, изменник по страсти, интриган по культуре»* (Грабарь 2001, 167).

История с тайной продажей эмалей Звенигородского и потерей их для отечественных музеев всколыхнула общество, и немало едких критических замечаний было высказано в адрес правительства. Впоследствии, когда вставал вопрос о приобретении того или иного знаменитого собрания, пресса сразу же вспоминала об эмалях Звенигородского. В определенной степени эта история повлияла на приобретение казной псковской коллекции древностей Ф.М. Плюшкина в 1911 году и петербургского собрания икон Н.П. Лихачева в 1913 году. Несмотря на скандальный оттенок всей истории с вывозом эмалей из страны, формально – после завершения сделки – Россия никаких официальных претензий к новым владельцам предъявить не могла и, как мы знаем, не предъявляла. Другое дело Грузия. В 1923 году она добилась возвращения из российских музеев и библиотек огромного количества памятников национальной культуры и искусства. Без преувеличения можно сказать,

Фото 7. Портрет Дж. Пьерпонт Моргана.
Фото из архива автора.

что московские и особенно петербургские собрания были обескровлены: все, что собиралось в течение столетий, с затратой больших государственных средств, все, что безвозмездно передавалось меценатами и любителями изящных искусств, все, что нередко было спасено от гибели и уничтожения, – все было запротоколировано, упаковано и перевезено в Грузию. Лишь жалкие остатки некогда богатейших собраний грузинских памятников хранятся сегодня в музеях и библиотеках России. Если говорить об эмалях А.В. Звенигородского, то, напомним, уже Н.П. Кондаков в 1909 году поднимал вопрос о возвращении этих предметов в Грузию, откуда они были похищены (говоря по-простому – украдены). Как раз именно относительно этих эмалей у Грузии было, да, пожалуй, остается и сегодня, право поставить вопрос о передаче этих национальных сокровищ в Тбилиси. Весьма странно, что этот вопрос не был поставлен Л. Пекарской в её исследовании, впрочем, как не был затронут ею и вопрос о возврате из западноевропейских и американских музеев древнерусских эмалей на Украину. Между тем, подобные требования относительно произведений, хранящихся в собраниях современной России, время от времени будоражат музейное сообщество.

Библиография

- Амиранашвили 1950:** Ш.Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, том I (Москва 1950).
- Амиранашвили 1963:** Ш.Я. Амиранашвили, История грузинского искусства (Москва 1963).
- Амиранашвили 1972:** Ш.Я. Амиранашвили, Хахульский Триптих (Тбилиси 1972).
- Бенуа 1990:** Ал. Бенуа, Мои воспоминания, том 2 (Москва: Наука 1990).
- Беручашвили 2001:** Н.Л. Беручашвили, Об истории перегородчатых эмалей из коллекции М.П. Боткина в Государственном музее искусств Грузии. В сб.: Ювелирное искусство и материальная культура. Сб. статей (Санкт-Петербург 2001), 218-233.
- Византийские древности 2013:** Византийские древности. Произведения искусства IV-XV веков в собрании Музеев Московского Кремля. Каталог (отв. ред.-сост. И.А. Стерлигова) (Москва 2013).
- Вялова 2001:** С.О. Вялова, Из наследия Н.П. Кондакова в Российской Национальной библиотеке. В сб.: Никодим Павлович Кондаков 1844-1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения (Palace Editions 2001), 46-50.
- Грабарь 2001:** И.Э. Грабарь, Моя жизнь. Автобиография. В: И.Э. Грабарь, Моя жизнь. Автобиография. Этюды о художниках (Сост., вступит. ст. и коммент. В.М. Володарского (Москва 2001), 13-324.
- Зайончковский 1966:** П.А. Зайончковский, А.А. Половцов (Биографический очерк). В кн.: А.А. Половцов, Дневник Государственного секретаря в двух томах, том 1 (1883-1886 гг.) (Москва 1966), 5-18.
- Звенигородский 1892:** А.В. Звенигородский, Предисловие. В кн.: Н.П. Кондаков, Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали (Санкт-Петербург 1892), I-VIII.
- Звенигородский 1903:** Звенигородский А.В. [Некролог]. В сб.: Исторический Вестник. Историко-литературный журнал, том ХСIV (Санкт-Петербург 1903), 1147-1148.
- Кондаков 1892:** Н.П. Кондаков, Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали (Санкт-Петербург 1892).
- Кондаков, Бакрадзе 1890:** Н. Кондаков, Д. Бакрадзе, Описание памятников древностей некоторых храмов и монастырей Грузии (Санкт-Петербург 1890).
- Корзухина 1954:** Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX-XIII вв. (Москва/Ленинград 1954).
- Корзухина 1972:** Г.Ф. Корзухина, Русские клады в зарубежных собраниях. В сб.: КСИА, вып. 129 (Ленинград 1972), 129-137.
- Кызласова 1985:** И.Л. Кызласова, История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории) (Москва 1985).
- Новаковская-Бухман 2011:** С. Новаковская-Бухман, Михаил Петрович Боткин – человек и коллекционер. В: Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. [Каталог выставки] (Palace Editions 2011), 9-21.
- Половцов 1966:** А.А. Половцов, Дневник Государственного секретаря в двух томах, том 1 (1883-1886 гг.) (Москва 1966).
- Пятницкий 1996:** Ю.А. Пятницкий, Коллекция К.-А. Бейне в собрании Государственного Эрмитажа. В сб.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1994 (Москва 1996), 311-321.
- Пятницкий 2000:** Ю.А. Пятницкий, О происхождении некоторых перегородчатых византийских эмалей из коллекции Эрмитажа. В сб.: Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тезисы докладов (Санкт-Петербург 2000), 41-45.
- Редин 1895:** Е. Редин, Рецензия на «Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали. Сочинение Н. Кондакова». СПб., 1892. В сб.: Византийский Временник, том II (Санкт-Петербург 1895), 223-233.
- Скурлов 2006:** В. Скурлов, О несостоявшемся приобретении коллекции эмалей Звенигородского. 1909 г. В сб.: Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников пятнадцатого коллоквиума (10-16 апреля 2006 года) (Санкт-Петербург 2006), 82-85.
- Собрание Боткина 1911:** Собрание М.П. Боткина (Санкт-Петербург 1911).
- Старые годы 1910:** Вести за месяц. В сб.: Старые годы, декабрь 1910, 46.
- Старые годы 1911:** Вести за месяц. В сб.: Старые годы, январь 1911, 59.
- Стасов 1895:** В.В. Стасов, Новая книга и новая витрина в Императорской Публичной библиотеке. В газете: Петербургская жизнь, №155, 22 октября 1895 г.
- Стасов 1898:** В.В. Стасов, История книги «Византийские эмали» А.В. Звенигородского (Санкт-Петербург 1898).

- Стасов 1903:** В.В. Стасов, Александр Викторович Звенигородский. Некролог. В: Новости и биржевая газета, №299 от 30 октября 1903 г.
- Стасов 1952:** В.В. Стасов, Александр Викторович Звенигородский. Некролог. В сб.: В.В. Стасов, Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания, том 1 (Москва 1952), 192-193.
- Стасов 1962:** В.В. Стасов, Письма к деятелям русской культуры, том 1 (Москва 1962).
- Стасов 1967:** В.В. Стасов, Письма к деятелям русской культуры, том 2 (Москва 1967).
- Художественные 1886:** Художественные Новости, том IV, №16 (Санкт-Петербург 1886), 458.
- Хускивадзе 1981:** Л.З. Хускивадзе, Грузинские эмали (Тбилиси 1981).
- Хускивадзе 1984:** Л.З. Хускивадзе, Средневековые перегородчатые эмали из собрания Государственного музея искусств Грузии (Тбилиси 1984).
- Androsov 2004:** S. Androsov, I marmi del Camerino: la storia collezionistica. In: Il Camerino di alabastro. Antonio Lombardo e la scultura all'antica. A cura di Matteo Ceriana (Milano 2004), 50-52.
- Bock 1896:** F. Bock, Die byzantinischen Zellenschmelze der dr. Alex. Von Swenigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachwerk. Archäologisch-Kunstgeschichte Studie (Aachen 1896).
- Byzance 1992:** Byzance. L'art byzantine dans les collections publiques françaises (Paris 1992).
- Glory 1997:** The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843-1261. [Catalogue of the exhibition]. / Ed. by Helen C. Evans and William D. Wixom. The Metropolitan Museum of Art (New York 1997).
- Pekarska 2011:** L. Pekarska, Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material. Ed. by B. Ager and D. Kidd (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Band 92) (Mainz/London 2011).
- Schulz 1890:** J. Schulz, pfarrer. Der Byzantinische Zellenschmelz (Frankfurt A.M. 1890).
- Seligman 1961:** G. Seligman, Merchants of Art: 1880-1960. Eighty years of professional collecting (New York 1961).

Emailurile barierate din colecția lui Al. Zvenigorodsky și cercetarea L. Pekarska

Jewellery of Princely Kiev. The Kiev hoards in the British Museum and The Metropolitan Museum of Art and Related Material

Rezumat

Tipărită în anul 2011, cercetarea Ludmillei Pekarska era de mult așteptată de către specialiștii în domeniul artei ruse vechi și al celei bizantine. La baza cărții a fost pusă istoria tezaurului de bijuterii, descoperit în 1906 la Kiev și care, prin voia întâmplării, astăzi este partajat între Muzeul Britanic și Muzeul Metropolitan din New York. Însă autoarea nu s-a limitat numai la analiza pieselor din acest tezaur, ci a mai valorificat un imens material comparativ, făcând uz de numeroase colecții atât din țările occidentale, cât și din Ucraina și din Rusia. L. Pekarska a acordat principală atenție emailului barierat – un fenomen strălucit al luxului artistic din Evul Mediu. Salutând apariția acestei cărți, exprimându-ne toată stima și prețuirea față de cercetarea însăși, ca și față de autoare, totodată însă, nu putem să nu ne exprimăm anumite temeri pentru specialiștii care își vor asuma dificultatea recenzării științifice a acestui studiu. Vorba e că cercetarea conține o mulțime de aspecte specifice, dar mai conține afirmații politizate și fapte denaturate, încât cititorul neavizat, dar chiar și un specialist tare în materie se va confrunta, în anumite situații, cu dificultatea interpretării și analizei textului cercetării. Tocmai din acest motiv, personal am decis să ne limităm la analiza a doar trei pagini din monografia dnei L. Pekarska, și anume cele consacrate colecției de emailuri barierate ale lui Alexander Zvenigorodsky și destinului acestei colecții ce se păstrează actualmente la Metropolitan Museum. Ne exprimăm speranța că articolul nostru îl va ajuta pe eventualul cititor să se descurce în dedesubturile cărții dnei L. Pekarska; în plus, astfel vom oferi cititorilor o informație detaliată despre această colecție unică și despre motivele pentru care colecția a ajuns în muzee din Occident.

În articol sunt prezentate date biografice despre personalitatea însăși a lui Al. Zvenigorodsky; este analizată istoria apariției acestei colecții de emailuri barierate; se povestește despre proveniența lor – peripeții demne de un roman polițist – din mănăstirile montane ale Georgiei. Sunt furnizate informații privind editarea, de către posesor, a acestei colecții – care s-a soldat cu o faimoasă carte, tipărită cu tiraje a câte 200 ex. în limbile rusă, germană și franceză. Cartea este de mult un model de execuție poligrafică de cea mai înaltă probă, devenind un obiect de lux în domeniul artei poligrafice. Se acordă o atenție deosebită sorții de care a avut parte colecția după decesul posesorului ei și despre motivele pentru care a fost vândută, în mare taină, lui John Piermont Morgan. Este analizat și rolul nefast ce l-a avut, în această tranzacție, un colecționar de tristă faimă, Mihail Botkin. După cum ne putem da seama, o problemă aparent de ordin privat, cum ar fi cea a colecției lui Al. Zvenigorodsky, implică numeroase alte probleme, de ordin etic, metodologic și chiar – într-o anumită măsură – cu un substrat cultural-politic.

Lista ilustrațiilor:

Foto 1. Coperta cărții Ludmillei Pekarska.

Foto 2. Portretul lui Al. Zvenigorodsky. Foto din arhiva autorului.

Foto 3. Portretul lui N. Kondakov. Foto din arhiva autorului.

Foto 4. Foaia de titlu a cărții lui N. Kondakov, consacrată colecției de emailuri a lui Al. Zvenigorodsky.

Foto 5. Medalioane cu email barierat, din Bizanț, sfârșitul sec. XI – începutul sec. XII. Piese din colecția lui Al. Zvenigorodsky, acum în patrimoniul Muzeului Metropolitan din New York.

Foto 6. Portretul lui M. Botkin. Foto din arhiva autorului.

Foto 7. Portretul lui John Pierpont Morgan. Foto din arhiva autorului.

**Cloisonné enamels from the former collection of Alexander Zvenigorodsky
and a new book by Ljudmila Pekarska, *Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards
in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material***

Abstract

In 2011, a monograph long anticipated by art historians with an expertise in Old Russian and Byzantine art was published by Ljudmila Pekarska. The main subject of the monograph – the history of a hoard of jewellery found in Kiev in 1906, and as luck would have it is today divided between the British Museum and the Metropolitan Museum of Art. The author, however, did not limit her study to the analysis of objects from this hoard. She used an extensive amount of comparative materials from collections in many Western, Ukrainian, and Russian museums. L. Pekarska focuses mainly on the cloisonné enamels, an impressive example of exquisite medieval luxury. Welcoming the publication of this book, and being interested in the research, as well as its author, I do not envy the hard work that it would take for a person to write a scholarly review on this publication. The book contains so many specific features, so many politicized statements, so many altered facts that an unprepared reader, and even a professional, will not always be able to understand these “sleights of hand”. For this reason, I chose only three pages from the book of Ljudmila Pekarska that discuss a collection of cloisonné enamels of Alexandr Zvenigorodsky and its fate (now almost the entire collection is kept in the Metropolitan Museum of Art). I hope that my article will help the reader in understanding the nuances of L. Pekarska’s book and, besides that, offers the reader more detailed information about the unique collection of Zvenigorodsky and the reasons it is now in Western museums. In this article, the author includes biographical facts about Alexander Zvenigorodsky; it shines a light on the history of Zvenigorodsky’s ownership of the cloisonné enamels, and criminal origin of the collection taken from Georgian monasteries. Also included is information on the publication of the collection by its owner – the famous book issued in three languages in 200 copies each: in Russian, in German, and in French. The book has long since become a rare example of the highest quality of printing and refined luxury. A considerable attention is paid to the fate of the collection after the death of its owner; the reason it was secretly sold to John Pierpont Morgan; a negative role in this sale of the infamous collector Michail Botkin. A seemingly private matter about Zvenigorodsky’s collection of enamels has raised numerous problems of ethical, methodological, and, in some degree, even cultural and political nature.

List of illustrations:

Photo 1. Cover of Ljudmila Pekarska’s book.

Photo 2. Alexander Zvenigorodsky.

Photo 3. Nikodim Kondakov.

Photo 4. Title page of N. Kondakov’s book on Zvenigorodsky’s collection.

Photo 5. Byzantine cloisonné medallions from the former collection of Alexander Zvenigorodsky, end of the 10th - early 12th century. The Metropolitan Museum of Art, New York.

Photo 6. Michail Botkin.

Photo 7. John Pierpont Morgan.

27.03.2015

Юрий Пятницкий, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: pyatnitskiy1@yahoo.com